

ческих исследований в те годы — территориальной организации и размещения производства. С 80-х годов экономистами, представителями экономической географии, социологии обсуждается проблема рациональной территориальной организации общества, создаются модели экономико-экологического районирования. Очевидно, что при современных масштабах антропогенного воздействия на окружающую среду каждый регион имеет не только свой круг экологических проблем, но и свои особенности исторического, социального, культурного развития. Незнание традиционного опыта народной культуры пагубно отразилось на планировке и перепланировке многих поселений, создании современных культурных ландшафтов, выборе тех или иных строительных материалов, способах декоративного убранства и т. п. Материалы выставки продемонстрируют возможности этнографических аспектов изучения окружающей среды, опыт и проблемы современной сельской архитектуры.

К открытию выставки, которое намечено на 18 мая 1989 г., музей приурочивает работу региональной научно-практической конференции с привлечением широкого круга специалистов и организаций, что возводит не только конкретизировать и углубить поднимаемые на выставке вопросы, но и выработать рекомендации, скоординировать деятельность представителей науки и общественности.

Конференция организуется под эгидой ленинградских отделений Союза архитекторов, Фонда культуры и других организаций.

О. М. Фишман

Примечания.

¹ Фишман О. М. Концепция проблемной выставки «Человек и среда его обитания: поселение и жилище народов Восточно-Европейского региона в XX в.» // Краткое содержание докладов научной сессии «Советская этнография за 70 лет: итоги, направления, перспективы.» Л., 1987. С. 56—57.

² Арутюнов С. А., Маркарян Э. С., Мкртумян Ю. И. Проблемы исследования культуры жизнеобеспечения этноса // Сов. этнография. 1983. № 2. С. 22—31; Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурного исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван. 1983.

³ Артановский С. Н. Общественно-культурные аспекты экологии человека // Вопр. философии. 1975. № 3.; Комаров В. Д. Что такое социальная экология? Л., 1978; Анучин В. А. Географический фактор в развитии общества. М., 1982; Казначеев В. П. Очерки теории и практики экологии человека. М., 1983; Алексеев В. П. Антропогеоценомы — сущность, типология, динамика // Природа. 1975. № 7; Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии // Сов. этнография. 1983. № 1. С. 3—16.

⁴ Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Экология и типы традиционного сельского жилища // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984. С. 34—64; Бромлей Ю. В. О соотношении культурно-ареальных общностей и цивилизаций // Социология и проблемы социального развития. М., 1978. С. 269—271.

⁵ Современные этносоциальные процессы на селе. М., 1986.

⁶ Глазычев В., Маханько Б. Архитектура села: проблемы, перспективы // Архитектура СССР. 1978. № 9—10. С. 83.

⁷ Глазычев В., Маханько Б. Указ. раб. С. 83.

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

Летом 1988 г. фольклорная экспедиция кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ начала работу в Кировской обл.

С 4 по 30 июля два отряда под руководством Н. И. Савушкиной (9 человек) и А. А. Ивановой (8 человек) обследовали Подосиновский район. Отряд Н. И. Савушкиной работал в Утмановском и Яхренгском сельсоветах (села Утманово, Яхреньга и 36 малых деревень от 15—20 до 1—3 домов), отряд А. А. Ивановой — в Октябрьском и Щёткинском сельсоветах (села Октябрь, Щёткино и 35 малых деревень).

Всего записано 7124 текста. В том числе: баллад — 19 («Оклеветанная жена», «Муж жену губил», «Ванька-ключник», «Ехали солдаты»), сказок — 67 (21 волшебная, 25 о животных, 21 бытовая), анекдотов — 13, произведений несказочной прозы — 394 (62 предания, 12 легенд, 259 быличек, 61 бывальщина), рассказов о прошлом (организация колхозов, коммун, местные промыслы, Великая Отечественная война и др.) — 108, произведений се-

мейной обрядовой поэзии — 338 (7 похоронных причитаний, 41 свадебное, 49 свадебных песен, 30 величальных, 108 корильных, 103 свадебных приговора), рассказов о свадебном обряде — 144 (из них 3 визуальных описания), рассказов о похоронном обряде — 20 (1 визуальное описание), о родильных обрядах — 17, о проводах в армию — 10, гаданий — 292, примет — 256, заговоров и оберегов — 241, рассказов о календарных праздниках — 217, традиционных лирических необрядовых песен — 89 (41 протяжная и 48 частых), хороводных, игровых и плясовых — 267, песен литературного типа и происхождения, романсов и новых баллад — 319, частушек — 3223, произведений малых жанров (пословиц, поговорок, загадок) — 260, произведений детского фольклора — 273.

Кроме того, записаны сведения о народной медицине и рецепты, о бытовании разных жанров, репертуары хоров и отдельных исполнителей, их биографии, описания взрослых и детских игр.

Работа велась с 403 исполнителями разных возрастов: 29 чел. — до 20 лет, 23 — от 20 до 40, 74 — от 40 до 60, 236 — от 60 до 80, 42 — старше 80 лет. При некоторой неизбежной неравномерности охвата разных возрастных групп значительные цифровые расхождения объясняются социально-демографическими условиями современных северных деревень, в большинстве которых доживает свой век старшее поколение местных жителей (от 60 лет и старше). Трудоспособное же, часто приезжее население сконцентрировано в центральных усадьбах (селах).

Фольклорные материалы, собранные в четырех сельсоветах, существенно не различаются. Так, в песенном репертуаре повсюду преобладают частые лирические (шуточные) и плясовые песни, широко распространены песни литературного типа и происхождения. Практически отсутствуют произведения календарной обрядовой поэзии (их не помнят даже самые старые люди). Среди жанров свадебного фольклора преобладают величальные и корильные песни, приговоры. Если песни чаще всего приводятся в рассказах о свадьбах прошлого, то приговоры звучат и на современных свадьбах.

Сохранности песенного репертуара способствуют самодельные хоры при клубах и ДК. Так, в Доме культуры с. Урманова был организован вечер «Встреча с песней», где исполнялись местные «плясковые» и «долгие» песни («Посяяли девки лен», «Я вечер молодая»,

«Мамашенька ругала за милого дружка», «Раз полоску Маша жала» и др.).

Широко распространены произведения нескладочной прозы, в особенности былички (несомненный интерес среди последних представляют рассказы о *мани* и *заллизухе*).

Среди календарных обрядов в быту местных жителей дольше и лучше сохранялись несложные обрядовые комплексы (святки, масленица, троица), а также обряды, исполняемые индивидуально или в семейном кругу (обряды жнивный, величания земли, первого выгона скота и др.). Некоторые из них в трансформированном виде совершаются и ныне. Среди всех возрастных групп населения достаточно широко практикуются заговоры (в особенности лечебные и обережные).

Сказочная традиция поддерживается преимущественно женщинами старшего возраста, рассказывающими сказки своим внукам, поэтому в сказочном репертуаре преобладают так называемые детские сказки («Морозко», «Мальчик-с-пальчик», «Гуси-лебеди», «Про Пыхтелку», «Чудесная дудочка», «Колобок», «Теремок» и др.).

Собранный рукописный материал хранится в архиве кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ, магнитофонные записи — в Лаборатории устной речи филологического факультета.

А. А. Иванова, Н. И. Савушкина

* * *

В 1986—1988 гг. экспедиция кафедры всеобщей истории Кабардино-Балкарского ордена Дружбы народов государственного университета (КБГУ) провела экспедиции (руководитель — А. И. Мусукаев) в кабардинских селах Кабардино-Балкарской АССР: Аушигер (Догужоково)¹, Верхний Акбаш (Астемирово), Верхняя Жемтала (Верхнекожоковское), Нижний Курп (Ахлово), Нартан (Клишбиево), Баксаненок (Касаево), Заюково (Атажукино-I), Кызбурун-II (Тамбиево), Чегем-I (Куденетово), Лечинская (Тахтамышево), Малка (Ашабово), Каменноостское (Кармово).

Цель экспедиций — сбор материала по теме «Кабардинская семья», ее структура и численность, тип семьи, причины сохранения большой семьи и факторы ее распада.

Результаты опроса показали, что кабардинская семья *унагъуэ* в конце XIX — начале XX в. в основном была двухпоколенной

и состояла чаще всего из 7—8 чел. В Клишбиево, Верхнекожоковском, Тамбиево и Касаево такие семьи в исследуемый период составляли примерно 75 — 80% от общего числа семей, в Догужоково, Атажукино-1, Ашабово, Астемирово, Тахтамышево — до 70%, в Лафишево и Ахлово — в пределах 60—65%.

Однако имелись и более сложные по составу семьи, в которые входили родители и семьи одного, двух и даже трех сыновей. Еще более распространены были большие братские семьи — *унзышзахэс*. Так, к началу XX в. в Ахлово, Лафишево, Мисостово, Ашабово, Астемирово, Куденетово, по свидетельству информаторов, такие семьи составляли не менее 20%. Только в одном Ахлово до революции проживало около 250 семей, причем каждая третья из них была большой. Типичными братскими семьями в Ахлово были семьи Муртаза Апшева, Карашая Жилахажева, Шамиля Дзагаштокова, Асламбека Карежева. Так,

в частности, семья Муртаза Апшева, которому в 1900 г. было немногим более 60 лет, включала малые семьи его братьев: Тазара, 56 лет, и Ибрагима, 44 лет. По данным старожилов с. Кармово, в начале XX в. в их селе насчитывалось до 140 семей, из них больших — около 70, причем половину из них составляли братские.

Причины сохранения «отцовских» и «братских» больших семей, как показывают полевые материалы — стремление сохранить экономическое единство семьи, боязнь оставить ее членов без средств к существованию, ограничение семейных разделов со стороны царской администрации. Однако в пореформенное время большие семьи делились на малые и исчезали из быта кабардинцев. Причины этого — усиливающееся проникновение капитализма в быт горцев в конце XIX — начале XX в.

Собранные экспедицией полевые этнографические материалы переданы в архив кафедры всеобщей истории КБГУ и будут использованы в научных публикациях и докладах ее сотрудников и студентов.

А. И. Мусукаев